

Иль блѣдное чело, объятое мечтами,
 Любила украшать небрежными перстами
 Вѣнкомъ изъ лавровъ и лилей.
 И были времена: унылый и печальный,
 Прощался иногда онъ съ музой геніальной,
 Искалъ покоя, тишины.
 Но и тогда, какъ духъ, прикинувъ къ изголовью,
 Она ему своей небесною любовью
 Дарила неземные сны.
 Когда же, утомясь минутнымъ упоеньемъ,
 Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ наслажденьемъ,
 Всегда юна, всегда свѣтла,
 Красавица земли, она смыкала очи —
 То было на цвѣтахъ, а ихъ во мракѣ ночи
 Для ней рука его рвала.
 И въ эти времена невидимая Кліо
 Слетала къ своему любимцу горделиво
 Съ правдивой повѣстью вѣковъ;
 И пѣлъ великій мужъ великія побѣды,
 И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
 Онъ ваши тѣни изъ гробовъ!

IV.

Гдѣ же ты, поэтъ народный,
 Величавый, благородный,
 Какъ широкій океанъ,
 И могучій, и свободный,
 Какъ суровый ураганъ?
 Отчего же голосъ звучный,
 Голосъ съ славой неразлучный,
 Своенравный и живой,
 Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
 Охлаждѣлою душой;
 Не владѣть нашей думой,
 То отрадной, то угрюмой,
 По внушенью твоему?
 Не всегда ли безотчетно,
 Добровольно и охотно
 Покорались мы ему!...
 О такъ, о такъ, пѣвецъ Людмилы и Руслана,
 Единственный пѣвецъ волшебнаго Фонтана,
 Земфиры, Невскихъ береговъ,
 Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ!